

Minxin Pei

China's Crony Capitalism: The Dynamics of Regime Decay

Cambridge (MA): Harvard University Press, 2016

Если забить словосочетание “люди из клана Чжао” в поисковике китайской социальной сети Weibo (самый популярный в стране сервис микроблогов, аналогичный запрещенному в КНР Twitter), система выдает сообщение: “Результаты поиска по данному запросу не могут быть показаны в соответствии с действующим законодательством”. “Люди из клана Чжао” (*Чжао цзя жэнь*) — цитата из китайского классика Лу Синя (1881–1936), который в официальном литературном пантеоне КНР занимает место, подобное месту Максима Горького в СССР. В хрестоматийном рассказе 1921 года “Подлинная история А Кью” Лу Синь описывает китайскую деревню, которой управляет богатый клан Чжао. Выражение пригосудило почти век спустя в совершенно другом контексте — для описания системы отношений вокруг власти и собственности, которая выстроилась в современном Китае. В статье, активно гулявшей в китайских соцсетях в 2015 году, анонимный автор описывал иерархию инвесторов в КНР, в которой на самом верху находились “люди из клана

Чжао” — родственники и деловые партнеры влиятельных чиновников, обладателей контрольного пакета акций China Inc. Статья описывала ситуацию вокруг одного из самых громких корпоративных конфликтов последних лет — поглощения крупной девелоперской компании Vanke страховым гигантом Anbang. Считается, что Anbang представляет интересы семьи патриарха китайских реформ Дэн Сяопина (президент страховщика У Сяохуэй женат на его внучке), так что взявшаяся “из ниоткуда” компания с малопрозрачной отчетностью не только быстро стала лидером страхового рынка, но и начала скупать активы по всему миру — от Vanke до сети отелей Waldorf Astoria. В китайском языке нет аналога английскому выражению “crony capitalism” (на русский его обычно переводят как “кумовской капитализм”), поэтому продвинутые пользователи для описания этого феномена стали использовать фразу “люди из клана Чжао”. Неудивительно, что власти КНР попытались это обсуждение прикрыть, запретив само слово и любые его производные. Точ-

но так же киберцензура поступает со всеми чувствительными для режима словами вроде “Фалуньгун” или “события 4 июня”.

“Кумовской капитализм”, то есть связь политической власти с распределением крупной собственности — не только крайне чувствительная тема; эта сторона жизни современного Китая — одна из наиболее сложных для изучения. Именно поэтому изданная в прошлом году книга Пэй Миньсиня, директора Keck Center for International and Strategic Studies в калифорнийском Claremont McKenna College “China’s Crony Capitalism: The Dynamics of Regime Decay” — по сути, единственная монография на эту тему. Китаисты обычно не берутся за нее, а также за смежную тему коррупции, опасаясь лишиться возможности ездить в КНР для проведения исследований. Ограничения чисто академического свойства тоже понятны и весомы: глубинные интервью на эту тему проводить в Китае невозможно; бежавших на Запад членов Компартии Китая (КПК) или их родственников сложно найти, и они тоже не хотят общаться с учеными; материалы большинства расследований и уголовных дел недоступны. В итоге исследователь стоит перед выбором: либо писать заведомо некачественную работу, либо вообще не касаться скользкой темы.

Пэй идет особым путем: в качестве источников он использует находящиеся в открытом доступе данные по 250 чиновникам, осужденным и арестованным в КНР за коррупцию с начала 1990-х. Он обосновывает свою стратегию тем, что, в отличие от разбора нескольких кейсов, такая выборка дает материал для широких сопоставлений — и в то же время она позволяет погрузиться в детали, не оставляя читателя наедине исключительно со скучными рядами цифр. Пэй честно предупреждает об ограничениях своей методологии: ему приходится полагаться на данные цензурируемых СМИ или не очень достоверные гонконгские источники, а реальные тома первичных материалов в архивах Комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины (КПД) ученые увидят, скорее всего, нескоро. В целом исследовательская стратегия Пэя работает: кейсы представляют разные регионы, временные отрезки и уровни партийной

иерархии (от члена постоянного комитета Политбюро до сотрудников уездных администраций), а потому позволяют выявить общие закономерности сращения власти и капитала в КНР.

Поначалу Пэй погружается в теоретические дебри, пытаясь изобрести новаторский подход к исследованию “кумовского капитализма” в целом и китайского случая в частности: он стремится отделить его от коррупции, при которой чиновники монетизируют свои полномочия, и вложить в этот термин особый смысл. Главным отличием “кумовского капитализма” от коррупции для Пэя является механизм “сговора” (collusion) между чиновниками и бизнесменами, когда присвоить государственную собственность можно только с помощью объединенных усилий. Теоретическая ценность такого разделения не слишком понятна, но как только Пэй покидает зыбкое поле социальной теории и погружается в материал — книга становится увлекательной. Типичные примеры коррупции на разных уровнях выписаны с максимальной точностью, доступной по открытым источникам: от механизмов внутренних аукционов при продаже должностей до детального описания ритуалов, которыми сопровождается подкуп милицейского начальства со стороны “авторитетных бизнесменов”. Раскрывая механизмы “кумовского капитализма” по-китайски, Пэй насыщает страницы и этнографическими подробностями: от семейного гадателя, на которого всемогущий куратор силовиков и нефтянки Чжоу Юнкан (арестованный в 2013 году бывший член постоянного комитета Политбюро) записывал многие активы, до начальника одного из уездов в китайской глубинке, который возводил для себя резиденции, копирующие американский Капитолий.

Источник “кумовского капитализма” в Китае, полагает Пэй, заключается прежде всего в нечетко очерченных правах собственности. Перезапуская рыночные реформы в 1992 году, после того, как были осмыслены уроки, связанные с событиями на площади Тяньаньмэнь и развалом СССР, китайская верхушка децентрализовала управление экономикой. Многие хозяйственные полномочия, вклю-

чая управление государственными активами, были спущены в регионы. Кроме того, пытались создать рынок, государство стало передавать в частные руки права пользования многими активами, сохраняя лишь номинальный контроль над ними. В итоге права собственности оказались размыты, что открыло путь для нелегального обогащения чиновников, их родственников и бизнесменов, вошедших в доверие к функционерам. Для совершения транзакций (от выведения земли из сельхозоборота для передачи девелоперу до переоформления активов госкомпании на фирмы, подконтрольные менеджменту) нужно согласие нескольких уровней бюрократии — именно так, по Пэю, и возникают цепочки “кумовского сговора”. Инициаторами хищения могут быть как чиновники, для которых бизнесмены становятся лишь номинальными владельцами активов, так и дельцы, придумывающие хитрые схемы и вовлекающие в них бюрократов. В условиях полного доминирования партии-государства в экономике и политике исход один — “кумовской капитализм” становится не просто побочным эффектом трансформации экономики от плана к рынку, а смыслом существования режима. Именно в этом Пэй видит главное отличие китайского “кумовского капитализма” от любых других случаев, включая ситуацию в посткоммунистических странах Восточной Европы или постсоветского пространства (правда, анализ ситуации в России у Пэя явно отражает реалии скорее 1990-х и начала 2000-х годов, в то время как нынешняя ситуация во многом становится похожей на китайскую, когда государство играет ключевую роль при распределении и перераспределении крупной собственности — только без Компартии и при меньшей эффективности механизмов управления). Если в Восточной Европе быстрая консолидация демократических институтов позволила избежать масштабных злоупотреблений в процессе приватизации, а в России и на Украине приобретение собственности олигархами в 1990-е происходило уже после крушения плановой экономики, то в Китае ползучая приватизация происходит при господстве однопартийного режима и сохранении государством командных высот в экономике.

Для Пэя “кумовской капитализм” — это прямая угроза выживанию режима: именно этим объясняется вторая часть названия книги. Коррупция разъедает систему изнутри. Во-первых, механизм “кумовского капитализма”, как рак, распространяется на все участки бюрократической системы, делая ее неэффективной: чиновники все больше движимы жадой наживы, а не долгосрочными интересами страны или даже партии-государства. Различные стратегии исхода позволяют до поры до времени хеджировать риски, причем горизонт планирования постоянно сокращается. Во-вторых, соперничество конкурирующих группировок приводит к расколам в элите, что делает режим менее прочным. Конфликты вокруг власти и собственности оборачиваются кампаниями, расшатывающими режим. Наконец, “кумовской капитализм” распространился и на силовые структуры КНР: от армии до спецслужб, а значит, и главная опора режима уже не столь крепка. В итоге, по мнению Пэя, режим с течением времени становится все более хрупким, и к его коллапсу в будущем могут привести различные факторы или их комбинация: от конфликта в элитах до массовых волнений типа “арабской весны”, которые не удастся вовремя сдержать. При этом коллапс однопартийного режима вовсе не обязательно приведет к становлению либеральной демократии. Вкусив прелести “кумовского капитализма”, элита может перегруппироваться и воспроизвести ту же самую модель уже в декорациях выборной демократии — и тут в качестве примера Пэй приводит Россию и Украину, находя сходство между современным состоянием российской действительности и одним из возможных сценариев развития ситуации в КНР. Удалив с политического поля наиболее одиозные фигуры и избавившись от репрессивных элементов режима, олигархические группы могут не только продолжить грабительскую приватизацию, но и вывести ее на совершенно новый уровень. Хотя это и не обсуждается в книге подробно, условий для успешной демократической консолидации, которая произошла в свое время в Восточной Европе (а также, с оговорками, в соседних Южной Корее и на Тайване), Пэй в Китае не видит (кстати, отсутствие веры

в скорый демократический транзит в КНР даже при условии крушения режима выгодно отличает эту работу от его предыдущих сочинений).

Возможно ли победить “кумовской капитализм” в рамках существующей однопартийной системы? Книга Пэя вышла как раз в тот момент, когда генсек КПК Си Цзиньпин пытается ответить на этот вопрос экспериментальным путем. Запущенная им масштабная антикоррупционная кампания стала инструментом политической борьбы, устраняя соперничающие группировки, — но в то же время явно вышла за пределы обычного использования коррупционной тематики в борьбе за власть. Видение будущего изложено Си и его командой в решениях пленума ЦК КПК, принятых в ноябре 2013 года, — это рыночная экономика при однопартийном режиме, где государство из вороватого собственника превращается в эффективного регулятора. По сути, Си хочет превратить КНР в огромный Сингапур, но без элементов демократии, сохраненных в городе-государстве Ли Куан Ю. Для Пэя все усилия Си обречены на провал — кампания не может дать позитивный эффект, потому что проблема слишком запущена, а у генсека не так много инструментов, чтобы переломить тренд. Отчасти это наблюдение подтверждается крайне медленным ходом задуманных Си реформ. Решения пленума 2013 года тихо саботируются, а сам лидер уже явно подумывает о том, не следует ли ему нарушить заложенную Дэн Сяопином традицию и остаться у руля на третий срок до 2027 года, чтобы довести реформы до конца.

Главный недостаток книги — заикленность на негативных сторонах “кумовского капитализма” по-китайски и отсутствие детальной дискуссии о возможных альтернативах. Сведение мотивов деятельности китайских бюрократов, начиная с 1990-х, к воровству не объясняет парадокса модели: почему при таком объеме злоупотреблений Китаю удалось в несколько раз увеличить ВВП, практически побороть бедность и вырастить большой средний класс — и все это без сырьевого бума, которым во многом объясняются тучные “нулевые” в целом ряде дру-

гих стран с коррумпированными режимами разной степени авторитарности. Воровство чиновников, обогащение их родственников и деловых партнеров, содержание гаремов и бизнес с организованной преступностью — не новость для Китая. Все три перечисленных Пэем фактора (разложение госаппарата, коррупция в силовых структурах, соперничество в элите) сопровождают КНР не один десяток лет, и тем не менее пирог растет достаточно быстро, так что на всех хватает. Где та точка, после которой “кумовской капитализм” угрожает существованию режима? И есть ли механизмы перерождения нынешней элиты и способов ее обогащения в более устойчивые формы — как произошло в других странах Восточной Азии? Ответы на эти вопросы позволили бы лучше понять возможную траекторию развития не только КНР, но и других стран, застрявших на этапе “кумовского капитализма”.

Александр Габуев